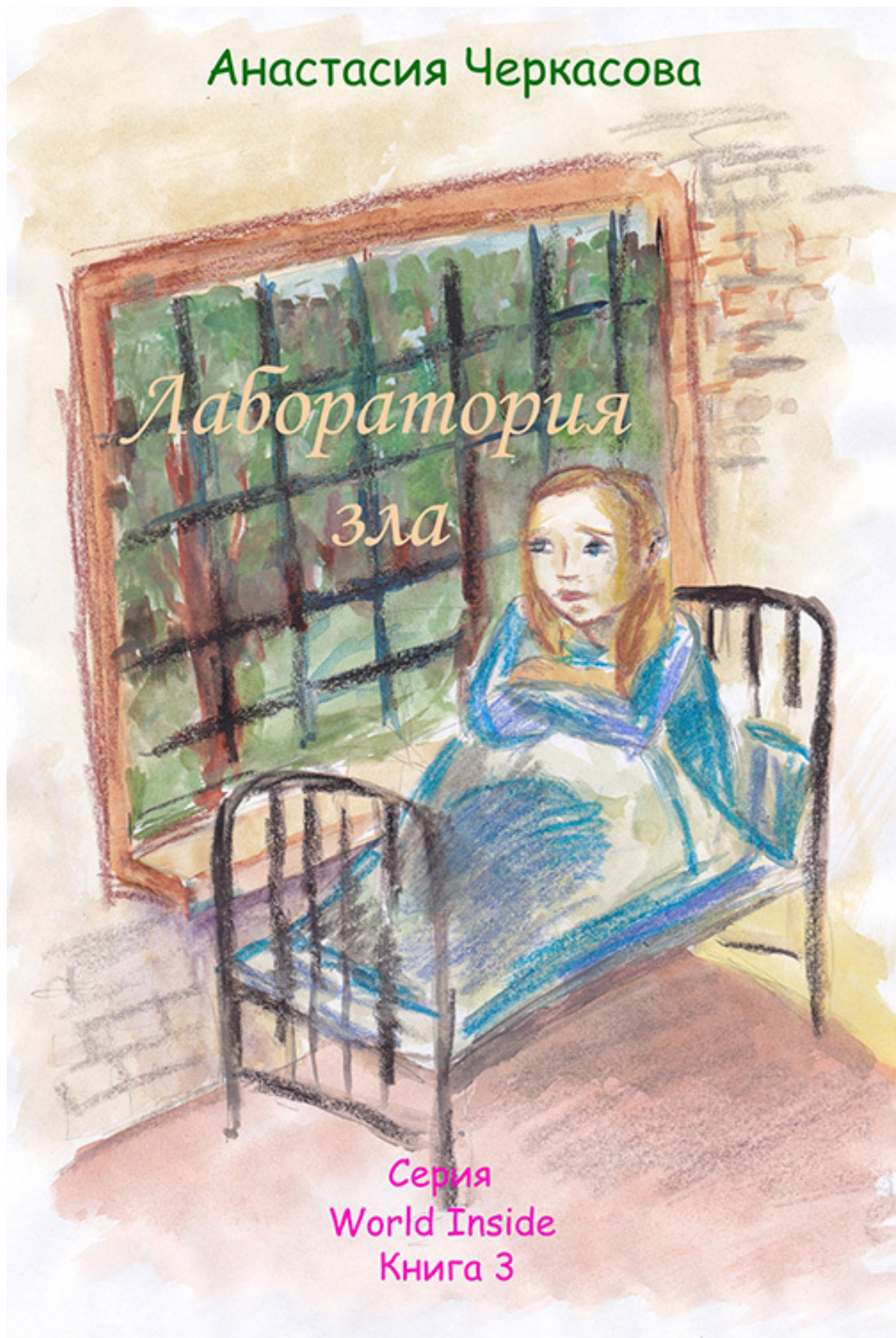

Анастасия Черкасова

Лаборатория
зла

Серия
World Inside
Книга 3

Анастасия Черкасова

Лаборатория зла

«Accent Graphics communications»

2013

Черкасова А.

Лаборатория зла / А. Черкасова — «Accent Graphics communications», 2013

Третья книга серии «Лаборатория зла» посвящена истории девушки Леры, жизнь которой приняла неожиданный оборот. Обстоятельства сложились таким образом, что страх поглотил девушку полностью, став единственным руководителем всех ее помыслов и поступков. Просто в один день Лера проснулась в незнакомом месте и, очнувшись ото сна, вспомнила все, что произошло с ней – как она заметила за собой слезку и, невзирая на все свои усилия, оказалась схваченной врачами-шарлатанами, которые похитили ее для того, что подвергнуть научным опытам в подпольной лаборатории. Обезумевшая от страха и отчаяния девушка твердо решила не покоряться своей судьбе и всеми оставшимися силами бороться за свою жизнь. Убежать или совершить суицид – но только не подвергнуться ужасным надругательствам, на которые ее хотят обречь ее похитители.

© Черкасова А., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Пробуждение	7
Глава 2. Осознание происходящего	10
Глава 3. Попытка бегства	15
Глава 4. На сцену выходит доктор Громов	21
Глава 5. Доктор Громов вводит в курс дела	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Черкасова

Лаборатория зла

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Огромный мир. Просторные дали. Большие города со множеством горящих огней, в каждом из которых – чья-то жизнь. Небо – такое большое, что его видно отовсюду, из любого уголка планеты – и эти облака, окрашенные багрянцем солнечных лучей, освещающих так же все, абсолютно – все. Леса, многочисленные деревья, бескрайние поля. Моря – огромные, необъятные для человеческого глаза. И эти блики на воде, рожденные все тем же солнцем – одним для всех. Цветы, запахи растений. Сколько в мире запахов? Целая гамма. Сколько их? Миллиарды? Больше? Не сосчитать. Не представить. Макушки гор, кажущиеся издали такими крошечными, словно игрушечными, а на самом деле – все таким же огромными, что ни одному из людей, лицезреющих их макушки, не хватит и целой жизни на то, чтобы обойти их все, заглянуть в каждую из ложбинок искрящегося камня. Сколько тропок на свете, сколько дорожек – не пройти. Никогда не пройти, и даже не представить. Множество зверей. И птиц. Чаек, летающих над этим морем. Маленьких черточек, парящих в этом небе – одним для всех. Птица издали – это тоже крупинка, такая маленькая, что не пройдет и минуты, как она скроется вдаль, потерявшись навсегда в этом мире, скрывшись от глаз человека, наблюдающих за ней. Степи. Бескрайние пустыни. Теплый песок. Запах листьев. Запах моря. Привкус морской пены, осязаемой где-то внутри так явно, что кажется, словно кусочек моря умещается на кончике человеческого языка. И везде – звери. Сколько их? Таких разных, таких непохожих друг на друга. И везде, везде в этом мире – люди. Столь же разные, несмотря на некоторое внешнее сходство. Множество лиц. Множество отражений человеческих душ. Словно блики на воде. Словно искорки на многогранном хрусталике. День – и ночь. Темнота и свет. Холод – и тепло. Многочисленные блики. Многочисленные оттенки миллиардов запахов. Все это – мир. Все это – наша жизнь.

Возможно, мир не имел бы столь громадного количества оттенков одних и тех же вещей, на первый взгляд кажущихся таким похожими, такими одинаковыми. Он был бы проще и однозначней, если бы не существовало в нем этих разных человеческих душ, порождающих такое разное восприятие окружающего. Даже эти блики на воде – каждый человек видит их по-своему. Чувствует. Или не чувствует совсем. Представить только: внутри каждого человека есть это все – и чайки, и сверкающая гладь воды, и легкий шум крон могучих деревьев, и многоголосное цоканье зверьков. И опять же – души, эти разные человеческие лица. Каждый человек – все чувствует по-своему, воспринимает по-своему. Внутри каждого – такой вот огромный мир, окрашенный своими собственными цветами. Пропитанный запахами и звуками, и каждый из этих миров – уникален. Все это, все – все умещается внутри одного-единственного человека, даже самого маленького. Внутри каждого из нас – целый мир, единственно уникальный.

В серии книг «World Inside» я хочу поделиться с читателями своим собственным миром, открыть глазам других свое восприятие. Каждую из книг я постараюсь сделать так же особенной, отличной от других, дабы открыть разные грани, разные отблески своей души.

Третья книга серии «Лаборатория зла» посвящена истории девушки Леры, жизнь которой приняла неожиданный оборот. Обстоятельства сложились таким образом, что страх поглотил девушку полностью, став единственным руководителем всех ее помыслов и поступков. Просто в один день Лера проснулась в незнакомом месте и, очнувшись ото сна, вспомнила все, что произошло с ней – как она заметила за собой слезку и, невзирая на все свои усилия, оказалась схваченной врачами-шарлатанами, которые похитили ее для того, что подвергнуть научным опытам в подпольной лаборатории. Обезумевшая от страха и отчаяния девушка твердо решила не покоряться своей судьбе и всеми оставшимися силами бороться за свою жизнь. Убежать или совершить суицид – но только не подвергнуться ужасным надругательствам, на которые ее хотят обречь ее похитители.

Глава 1. Пробуждение

Она проснулась.

Страх опутал ее тут же, почти сразу – страх сильный, сковывающий, вопиющий от ужаса, заставляющий дрожать всем телом, кожу – выделять липкий пот, а сердце колотиться так сильно, так отчаянно, что, казалось, еще немного, и оно разорвется, и остановится, и останется истекать крупными каплями крови, коченеющими в бездыханном теле.

Страх. Она боялась пошевелиться, боялась даже открыть глаза, и даже сглатывать слюну, которой стало почему-то очень много, казалось для нее большой трудностью – не было сил, и звук глотания отдавался во всем теле ужасным грохотом, и казалось, словно грохот этот распространяется по всей округе, становясь отчетливым для любого, кто окажется в радиусе пары сотен метров.

Страх. Надо успокоиться.

Пить, как же хочется пить. Во рту пересохло, но слюна течет. Сердце колотится.

Надо успокоиться.

Голова болит. Куски ее, отлетающие друг от друга, колются на еще более мелкие, мельчайшие части. Больно, так больно. И так хочется пить, что сосредоточиться абсолютно не представляется возможным. Мысли, как и эти раскалывающиеся кусочки внутреннего содержимого головы, как и удары коченеющего от страха сердца, кажется, разлетаются по сторонам, разрушаясь, беспомощно ударяясь о стенки истончившегося черепа, и рассыпаются в прах, не успев даже стать прочувствованными, осознанными, не то что бы иметь какой-то адекватный смысл. Мысли эти были словно чужими, ненастоящими, и крутились в голове, болезненно отдаваясь в ней, не имея под собой ровно никакого смысла, и вызывая одно лишь только раздражение. И боль.

Страшно, как же ей было страшно.

Она вздохнула. Вздох этот дался ей с трудом, он тут же отдался где-то в глубине тела ноющей болью, словно у нее были переломаны все ребра, дыхание перехватило, и ей потребовалось время, чтобы унять разошедшееся сердце и заглушить эту сильную боль, затрудняющую дыхание, и следующий вздох ее дался ей уже легче, грудь впустила воздух уже спокойнее, ровнее, хотя боль не проходила. Быть может, у нее и правда действительно были сломаны ребра – она не помнила во всех подробностях, что с ней произошло, так что не могла понять этого абсолютно точно, но исключить этот вариант, особенно ввиду случившихся с ней обстоятельств, было все же никак нельзя.

Что ребра... Она не могла понять даже в полной мере, что случилось с ее конечностями, и есть ли они вообще до сих пор. Она абсолютно не чувствовала ни рук, ни ног, и было совершенно непонятно, находятся ли они каждая по-прежнему на своем месте или их действительно у нее уже нет. Открыть глаза и посмотреть было все так же страшно, и, к тому же, что-то подсказывало ей, что делать этого не стоит.

Она вздохнула в третий раз и тут же испуганно затаила дыхание, прислушиваясь к окружавшей ее тишине, боясь случайно выдать себя. Никто не должен знать, что она пришла в сознание. Даже если у нее и вправду больше нет ни рук, ни ног, ни даже каких-либо других частей тела, невзирая и на то, что у нее переломаны все ребра, и сердце ее бьется так больно, ударяясь о жалкие обломки этих самых костей – даже если так, все равно, все равно она не сдастся! Если они поймут, что она очнулась, они тут же начнут ее пытаться, будут пытаться, а затем убьют. Нет, ошибки совершить никак нельзя, любая ее ошибка сейчас станет последней. Она должна выжить. Она жива, она приходит в себя, ее пробуждения пока еще никто не заметил – значит, можно еще что-то поделать, значить, можно придумать, как ей быть. Думай, думай, думай... Да, мысли, кажется, начали собираться из отдельных крупинки в кусочки побольше,

кажется, она что-то начала понимать... Да, способность мыслить определенно возвращается. Значит, надо думать. Думай, пока можешь, думай, пока есть время, думай, пока жива, думай, чтобы жить дальше. Думай, думай, думай... Тогда обязательно найдешь выход. Время еще есть, она до сих пор никем не замечена, но кто знает, сколько она еще может пролежать вот так, не выдавая себя. Может быть, у нее есть еще несколько часов, а может, все лишь пара минут. Думай, думай... Жива, можешь соображать – значит, выживешь, значит, можешь. Должна. Главное – не сдаваться. Никогда.

Мысли ползут откуда-то из глубины головы. Она вспоминает. Где она сейчас? Да... Ей угрожает опасность, да... Они похитили ее, она так пыталась от них скрыться, но они все-таки ее похитили. Похитили, чтобы издеваться над нею. Похитили, чтобы проводить над ней эксперименты. Наука развивается – смешно! Чтобы развивать науку, они похищают людей, чтобы ставить эксперименты над ними. Эксперименты над людьми запрещены, да, но ведь это же понятно, это просто очевидно, что существуют подпольные лаборатории, где ставят опыты над людьми. Над людьми издеваются, они страдают, они умирают, чтобы развивать эту гребаную современную науку. Что для ученых смерть пары сотен людей, если дело касается развития глобальных научных знаний? Что для них ее жизнь? Ничто. Если она умрет, они просто выкинут ее труп на помойку, выкинут – или закопают где-нибудь в лесу или на территории глухой промышленной зоны, и никто никогда не узнает, где покоятся ее жалкие останки, как не узнают и того, что на самом деле с нею случилось. Наука – святое дело, цивилизация должна идти вперед, да... Смешно.

Больно, так больно. Голова раскалывается на части, и в левом виске чувствуется какое-то слабое жжение. Так хочется пить. Они что-то сделали с ней, они непременно уже успели что-то с ней сделать. Она слегка вздрогнула, припоминая то, как женщина с неприятным лицом, с равнодушным на нем выражением, вкалывала ей что-то в вену из большого шприца. Конечно, она была абсолютно равнодушна к ней, что для нее ее жизнь, когда тут – наука... Интересно, что они ей вкололи? Что они сделали с ней? Наверняка это был не единственный укол, они что-то делали с ней, когда она была без сознания, когда она была абсолютно беспомощна и была лишена всякой возможности себя защитить. Что они могли сделать? Все, что угодно. Просторы их ужасных экспериментов могут расстилаться как угодно широко – ровно так, как широка человеческая фантазия, подкрепленная медицинскими знаниями и фанатичной преданностью своей безумной мечте. Даже если она будет долго думать, она все равно не сможет даже предположить, что они делают с нею, разве кто-нибудь здесь ей об этом скажет? Она даже не помнит, как оказалась здесь, и даже не имеет никакого понятия о том, сколько времени провела без сознания. На часы ли идет счет этого ужасного времени, дни ли? Она не помнит, нет, и даже не может сделать ни единого о том предположения. Что же было, что... Кажется, она шла по улице, она бежала, да... Она знала, что они гонятся за нею, знала, что они хотят ее похитить, да. Она так старалась убежать, сердце колотилось в груди, больно, так больно... Они вязали ее веревками, они толкали ее в душную машину. И, опять-таки, что-то кололи. Наверное, так. Она не помнит точно. Кажется, она просила кого-то о помощи? Да, просила, она наверняка кричала, пыталась кого-то позвать, она так хотела жить, она так просила, чтобы кто-нибудь ей помог, кто-нибудь спас. Наверняка это было так. Все как в тумане. Сволочи! Она ничего не помнит. Она поняла вдруг, что не знает даже, какое сейчас время года. Когда она бежала от них по пустынной улице, лихорадочно ища место, которое бы послужило для нее убежищем, которое бы стало ее спасением, на улице стояла осень, шел дождь, он не просто шел, он лился, отражаясь от сумеречных луж на асфальте, он шумел, и брызги летели из-под ее ног, ударяющих эти лужи подошвами ботинок в отчаянных порывах бегства. Когда это было? Пару дней назад? Давно? Она не убежала. Ей никто не помог. Не получилось. Она стиснула зубы. Сволочи. На место страху пришел дикий гнев. Может, для них ничего не стоит ее жизнь, но для нее самой она стоит! Она должна выжить. Она почти ничего не помнит – значит, они

уже успели что-то сделать с нею, значит, какой-то из их чудовищных планов уже вошел в оборот. Ей казалось, словно где-то в самом ее мозгу кипит вколотая ей отравленная вакцина. Она должна выжить. Должна, должна! Она непременно что-нибудь придумает. Она непременно убежит от них. Даже если у нее больше нет ног. Даже если ее разбил паралич, она все равно что-нибудь придумает, она уползет, она будет впиваться зубами в каменный пол, грызя его, цепляясь, таща вперед свое изуродованное, изувеченное тело. Зубы у нее на месте, челюсти шевелятся – она это уже проверила. Надо придумать, как бежать, куда бежать. Так, чтобы ее не заметили. Надо что-то придумать, пока они еще не обнаружили все-таки ее пробуждения. Надо придумать, пока эта гадость, вколотая ей в кровь, не сделала свое черное дело и не разбила ее окончательно.

Она еще не знала наверняка, что именно ей сейчас следует делать, она не знала, сколько у нее осталось времени, но что-то ей подсказывало, что очень немного, а потому действовать надо быстро.

Глава 2. Осознание происходящего

Она снова бежала. Бежала быстро, невзирая на струи дождя, бьющие ей в лицо и фары машин, слепящие так сильно, что пути практически не было видно, и приходилось шуриться, рискуя каждый раз своею жизнью, в очередной раз перебегая дорогу вслепую и задыхаясь от этой своей слепоты, от осознания ужаса того, что в любую минуту она может погибнуть.

Но что страшнее? Погибнуть или попасться им, отдаться во власть их чудовищных опытов? Если ее собьет машина, то, по крайней мере, она, вероятно, может умереть быстро, в пример той самой ужасной участи, которая достанется ей, догони они ее сейчас. Если они ее поймают, они убьют ее, это несомненно, только смерть эта будет куда страшнее, чем удар железного корпуса о ломающиеся с треском тонкие женские кости обветшавших от бессилия и авитаминоза ребер. Они убьют ее, это было очевидно, но прежде чем убить, они замучают ее, искалечат своими ужасными, бесчеловечными опытами, и смерть эта, пришедшая к ней в конце концов, уже не будет казаться страшной, но станет скорее волшебным освобождением, и умрет она грязно, униженная и втопанная лицом в жалкие останки человеческой совестливости и добродетели. И в миг этот, когда оборвется ее измученное, ослабевшее дыхание, в ее глазах, бывших всегда прежде такими чистыми, прозрачными, застынет ужас от осознания того, в каком бесчеловечном мире провела она свою жалкую жизнь, такую короткую, но успевшую стать такой грязной, такой ничтожной, смешавшей с мерзкой пошлостью всю красоту человеческой молодости, всю прелесть юных лет, никогда уже не перерастущих в зрелое благополучное и состоявшееся равновесие. Бесчеловечный мир, созданный бесчеловечными, жестокими существами, называющими себя людьми. Ученые! Смешно. Смешно и подло.

Да, пусть она умрет. Но даже если и вправду случится именно так, то, по крайней мере, она была уверена в том, что после всех ее мучений, вероятно, предстоящих ей теперь, в ее глазах застынет не только унижительное выражение страха и беззащитная горечь разочарования, разочарованности в этом мире, до которой никому из них не будет дела, к которой каждый останется равнодушным, и ни у кого из этих циничных скотов не дернется ни единый мускул на лице после увиденного мертвого лица изможденной девушки, погибшей в столь раннем возрасте от их грязных рук, которые они даже не потрудятся умыть, даже после всего этого в ее глазах застынет не только ужас, нет. Еще в ее глазах застынет презрение. К ним. Даже в смертный час, даже измученная и изувеченная, она будет их презирать и не побоится показать им всю глубину своего презрения, маску которого они уже никогда не смогут стереть с юного омертвевшего лица. Жаль только, что это горькое гнусное выражение, так не вяжущееся с обликом юного женского лица, будет последним, что отразится на ее красивом лице. Пусть даже им будет все равно, пусть так! И даже если они посмеются над нею, глядя в ее глаза – все равно. Все равно этим они ничего не изменят, и глубина ее презренья не смоется их грязным смехом и не застынет от циничного докторского равнодушия, и, как бы они ни старались не обращать внимания на эту жалкую каплю ненависти, капнувшую в их гнусную жизнь ее мертвым личиком – они все равно не смогут не заметить ее презрительного высокомерия, как бы далеко они не прятали это в свое жалкое отрепье, называемое скорее жалким подобием души, чем ею самой – они никогда не смогут этого забыть, никогда. Пусть она умрет, но повергнутой при этом она не будет. И даже если она сейчас для них не более чем материал для их пустых, бессмысленно жестоких экспериментов, они все равно будут ее уважать, все равно будут. Пусть даже это будет после ее смерти.

Она должна бежать!

Она должна жить. Должна спастись. Должна не стать жертвой их чудовищной жестокости. Звериной жестокости. Жестокости зверей в человеческом обличье. Но есть ли еще на свете

люди? Как узнать людей, если лица живущих вокруг существ не выдают своей подлинной сущности?

Бежать. Дождь хлестал ей в лицо. Бежать. Выжить. Не быть сбитой автомобилем, не умереть на этой грязной дороге, захлебываясь грязью и струями собственной крови, льющейся из разбитого лица.

Сердце отчаянно колотилось в ее груди, по лицу бежала вода. Мгновенье – и она упала, темнота обхватила ее, и она полетела куда-то вниз, переворачиваясь в воздухе и ударяясь обо что-то, с хрустом ломая свои истончившиеся кости. Мгновенье – и тут же ее обхватил дикий холод, темнота стала еще гуще, и холод этот, перемешавшись с ее собственной болью, лишил ее способности дышать. Она упала в реку.

Так больно.

Она очнулась, и тут же открыла глаза, судорожно облизывая пересохшие губы.

Где она? Что это было?

Сердце колотится. Ясно, это был сон. Это был просто ночной кошмар.

Мысли медленно ворочались в голове, все так же болезненно покалывая внутреннюю поверхность поврежденной черепной коробки.

И все же она поняла. Это правда был просто кошмар.

Кошмар. Но тьма почему-то не отступала. И на губах все еще чувствовался привкус крови, сочившейся из разбитой об камень губы. Или нет, это не кровь, это всего лишь ее собственная слюна.

Сон? Значит, она спала? Она вдруг все поняла и все вспомнила. Она в плену, они догнали ее, догнали и держат теперь в своей подпольной лаборатории, и уже вкололи ей в кровь какой-то из своих жутких препаратов. Ей надо бежать отсюда. Она хотела бежать, да. Но как тогда она могла уснуть? Сколько времени назад это было? Она опять не знает. Сколько прошло часов с тех пор, как она очнулась в прошлый раз? Часов, или, может быть, дней. Быть может, прошло даже всего лишь с десятков минут. А она не может даже этого понять. Она ничего не помнит. И, кажется, не может встать. Слишком слаба. Слишком больно. Черт, все-таки их отравы уже начала действовать, и кровь ее уже достаточно отравлена.

Впрочем, она уже открыла глаза. Значит, надо бежать. Только она почему-то ничего не видит.

Она вздохнула, снова ощутив тянущую боль в подреберье, закрыла глаза и открыла их вновь. Надо понять, что происходит. Надо понять хотя бы, где именно она находится, и что ее окружает.

Во рту пересохло. Пить хотелось так, что думать здраво казалось просто невозможным. Губы ее были покрыты коркой и практически не могли шевелиться, но при этом изо рта ее упорно сочилась слюна, вызывая чувство отвращения и унижительной беспомощности. Сделав над собой усилие, она сомкнула губы и сглотнула. Уже легче. Но почему она все-таки ничего не видит? Может быть, ее уже успели ослепить? Глаза, кажется, были на месте.

Лежать было противно. Пока она спала, слюна залила подушку, отчего та стала совсем мокрой в том месте, где она соприкасалась своей жесткой неприятной тканью с ее обветренной щекой.

Так, подушка. Значит, она лежит в постели. Это уже что-то.

Глаза ее наконец привыкли к темноте, и она стала различать окружающие ее мутно-темные силуэты незнакомых предметов. Не поднимая головы, она осторожно огляделась вокруг себя, делая движения одними лишь глазами, которые, как выяснилось, пока еще были сохранены.

Страх колотил ее изнутри так, что сердце ее билось отчаянно громко, отчего она боялась того, что стук его выдаст ее пробуждение, они услышат его и придут. На звук стука сердца. Чтобы его остановить. По этой причине она старалась не дышать громко, чтобы не созда-

вать тем самым дополнительных звуков. Накопившаяся слюна во рту противно хлопала, но, в отличие от стука сердца, подобные звуковые выражения она могла контролировать хотя бы частично.

Осторожно сглотнув, она снова оглянулась по сторонам, ощупывая окружающие ее предметы взглядом уже более внимательно. Наконец она поняла, что находится в достаточно просторном неосвещенном помещении, где находится много кроватей, вроде той, на какой лежала она. Кроватей было десять, или, может, двенадцать, сейчас она все же не могла сосчитать точно. На кроватях лежали сгорбленные человеческие силуэты, искривленные, съежившиеся под полотнами тонких одеял. Она с трудом удержалась от тяжелого вздоха, осознав, что эти люди – тоже жертвы опытов, такие, как она. В комнате было совсем тихо, люди, казалось, спали. Или притворялись спящими, как она. Или тихо умирали, покоровшись своей участи – осознанно, обессилевшие от истощивших их мучений, или неосознанно, будучи равнодушными к своей судьбе по причине атрофии мозговых клеток, случившейся вследствие действия отравленных препаратов.

Зачем они так издеваются над людьми, зачем? Что они хотят выяснить своими опытами? Что они хотят узнать – то, как быстро умрут все эти люди, и какова будет их предсмертная агония? С глаза ее медленно отделилась крупная капля и сползла вниз, оставив след на шершавой коже щеки. Надо же, она еще умеет плакать. Значит, она все еще жива?

Слеза тут же высохла, впитав в кожу так же и остатки влажной дорожки на щеке, и слез больше не было. Однако одна слеза – это тоже все-таки уже хорошо. Значит, она однозначно еще жива.

Вглядываясь в темноту, она стала искать глазами выход из комнаты. Если она как-то очутилась здесь – значит, в этой комнате должен быть какой-нибудь выход. Вряд ли ее здесь замуровали. Конечно, это не исключено, но все-таки маловероятно. Слишком много мороки постоянно разгребать проход и потом заделывать его обратно. Надо же им как-то заходить в комнату ежедневно, чтобы делать свое черное дело и пичкать экспериментальной отравой своих подопытных. Зачем им создавать себе дополнительные трудности и отнимать у себя свое драгоценное время, тем более что их жертвы и так беспомощны и не могут даже пошевелиться. Если, конечно, в их планы не входит довести людей до смерти в закрытом помещении, лишив их еды и воды. Если она будет и дальше тут лежать, то, вероятно, скоро действительно умрет от жажды. Хотя, возможно, она умрет и так, ведь препарат уже явно начал действовать и уже наверняка затронул свои черным действием внутренние органы. Интересно, сколько ей осталось жить? Этого она не могла предположить. Но, впрочем, даже если жить ей осталось действительно очень мало, она не могла позволить им насладиться лицезрением своей медленной смерти. Даже на пороге гибели она не покорится им. И, возможно, перед смертью она еще успеет отомстить кому-нибудь из своих обидчиков. Если ей удастся убить кого-нибудь из них, то этим она хотя бы сможет хоть чем-то помочь их жертвам.

А для этого надо найти выход.

Вот он. Она только что заметила, что в стене, почти у самого угла комнаты, находится дверной проем, из которого льется тусклая струйка света из помещения, смежного с комнатой. Приглядевшись, она обнаружила, что в этом дверном проеме находится небольшой темный силуэт. Судя по очертаниям, это был человек женского пола, сидевший на стуле. Силуэт не шевелился, и можно было предположить, что в данную минуту он дремал. Судя по тому, что он, в отличие от других, находился не в кровати, это был кто-то из них, вероятно, поставленной здесь с целью следить за пленниками. То, что этот человек сейчас спал, было ей сейчас на руку. По крайней мере, у нее было время до того, как он проснется. Кроме этого, силуэт, к счастью, находился у дальнего относительно нее угла комнаты, а значит, была достаточно высока вероятность оставить пока незамеченным ее пробуждение.

Интересно, а может, здесь есть еще какие-нибудь выходы? Все-таки помещение большое, нужно тщательным образом изучить все детали сложившихся обстоятельств, прежде чем начать действовать. Слишком велика была сейчас цена ее ошибки.

Окна. Точно, в помещении были еще окна. Вот только за окнами было совсем темно – наверное, сейчас стояла глубокая ночь. В них совсем ничего не было видно, а потом она не могла понять ни какое сейчас на дворе время года, ни на каком этаже она, собственно, находится. Как же в таком случае можно оценить перспективу побега через окно? С некоторым удивлением она обнаружила, что сама сейчас находится около окна. Кровать ее стояла в самом углу комнаты, и окно было совсем рядом, она даже чувствовала, как из щели слегка сквозило. Ранее она не замечала этого, но сейчас ее вниманию открывалось все больше и больше деталей, бывших недоступными для нее до этого. Наверно, она окончательно пришла в себя. Может, она еще поживет немного?

Подняв глаза, она, часто моргая, уставилась взглядом в это самое окно, в виднеющееся из него темное небо, где не было видно ни звезды, ни пролетающего самолета. Казалось, в этом месте вокруг была одна лишь темнота, она была здесь повсюду – как на улице, так и в помещении самого здания. Конечно, она ведь находится в подпольной лаборатории. Наверняка она стоит в какой-нибудь глуши, где вокруг нет никаких признаков цивилизации. Будь тут где-нибудь рядом люди, эту лабораторию давно бы уже нашли и прикрыли бы – а если этого не произошло до сих пор, значит, вокруг за много километров не было действительно никого, и помощи ждать было неоткуда.

Она все так же смотрела на окно. Оно было тут, совсем рядом. Так близко, что до него можно было дотянуться рукой. А она все так же не знала, имеются ли у нее еще эти самые руки, и если да, то могут ли они, собственно, еще шевелиться.

Внимательно приглядевшись, она поняла вдруг, что как со внешней, так и с внутренней стороны окно было перегорожено решеткой. Сморгнув, она рассмотрела окно снова. Точно, решетка. И на остальных окнах то же самое. Действительно, и как она сразу об этом не подумала. Решетки! Если бы их здесь не было, это было бы слишком просто. Могли ли такие люди, как они, проявить такую рискованную непредусмотрительность? Ясно, отсюда некуда бежать.

Она тихо вздохнула. Что ж, если характеристики этой комнаты стали уже, в целом, понятны, то можно хотя бы подробнее рассмотреть состояние ее собственного тела. Достаточно ли оно сохранно, чтобы двигаться?

Глаза у нее есть, это она уже поняла. Они видит обоими глазами и может ими беспрепятственно двигать. Нос, рот – тоже понятно. Даже, по всей видимости, все зубы были целы. Точно. Она вспомнила, как недавно отчаянно сжимала челюсти, думая об этих скотах, запрятавших ее сюда. Да, зубы целы. С лицом все в порядке, как и, собственно, с головой тоже, ведь она может думать. Конечно, неизвестно, работал ли у нее слух, ведь она не знала, было ли в комнате правда тихо или так только казалось из-за подступившей глухоты. Если бы выяснилось, что она оглохла, это был бы существенный минус. Правда, ей казалось, что она слышит собственное дыхание и звук биения своего сердца, но, возможно, ощущение это приходило к ней не посредством слуха, а с помощью внутреннего чутья и ощущения вибраций своего тела. Хотя, скорее всего, слух все-таки в наличии еще был. Впрочем, это было все же не главное.

Голова болела, в висках ломило, но, кажется, повреждений на голове не было. Конечно, она так же могла и не чувствовать, происходило ли у нее кровотечение из головы вследствие потери чувствительности, но подушка, исключая пятно от ее слюны, мокрой не казалась, а потому она заключила, что наличие повреждений головного мозга у нее вряд ли возможно. Вот что было главное. Если есть голова – значит, можно что-то придумать.

Теперь предстояло проверить самое страшное. На месте ли ее конечности? Пытаясь унять непроходящую внутреннюю дрожь, она зажмурилась. Набравшись смелости, она сделала над собой усилие и шевельнула рукой. Так. Теперь ногой. Как ни странно, и руки, и ноги – все

оказались на своих местах. Вот только слушались они плохо, и поднять их почему-то казалось практически невозможным. Но, главное, они все-таки были?

Она снова открыла глаза и решительно оглядела свои конечности, и тут же поняла, в чем было дело. Пробежав взглядом по своему телу, она снова рассердилась на себя за вторичное предположение о непредусмотрительности своих врагов. Она только сейчас заметила, что была крепко привязана к своей кровати, и теперь стало абсолютно ясно, что самостоятельно встать она не может. Да какое там встать, она не могла даже пошевелиться. По всей видимости, привязана она уже была достаточно давно, потому что руки и ноги ее сильно затекли. Поэтому она и не могла так долго понять, на месте ли они. После попыток шевелить пальцами кровь, кажется, начала циркулировать быстрее, и чувствительность мало-помалу начала возвращаться, но только дела это не меняло.

Теперь она знала все наверняка. Она находилась в западне у своих обидчиков, у этих безумных ученых, и была в полной их власти. Страх и бессильная ярость заставили ее сжать зубы так, что появилась острая боль в скулах. Все ее части тела были на месте, но она была крепко привязана и лишена всякого движения. Окна ее камеры были перегорожены решетками, а у единственного выхода из комнаты находилась охрана, которой был поручен надзор за томившимися здесь мучениками. Окружающие люди, находившиеся определенно в таком же положении, что и она, были так же беспомощны. Бежать отсюда не было никакой возможности, и помощи ждать было неоткуда. Она лежала и не могла унять колотящееся безудержно в груди сердце, сотрясаясь внутренне от панических метаний своей души, не зная ни о том, что будет с нею дальше в следующую минуту, и ни о том, стоит ли ей надеяться на жизнь.

Она была в западне, откуда абсолютно точно не было никакого выхода, и жизнь ее находилась сейчас в руках этих извергов, и ей оставалось лишь лежать и стискивать до боли зубы, ожидая приготовленной ей участи.

Глава 3. Попытка бегства

Ждать пришлось до утра. За ночь ей так и не удалось сомкнуть глаз, хоть она и пыталась это сделать от бессилия. За те часы, что она провела лежа привязанной к постели, она уже смогла в полной мере осознать всю безвыходность происходящей ситуации. Страх и отчаяние не давали ей покоя, и она не смогла уснуть. Кроме того, за то время, что она провела без сознания, она достаточно выспалась, и спать ей уже действительно не хотелось, несмотря на сохраняющуюся до сих пор слабость. А потому у нее было достаточно времени, чтобы подумать над своей жизнью, ведь, учитывая ее текущее состояние, ничего более ей уже не оставалось – пока что бегство было невозможным, и это было очевидно. А потому она так и пролежала всю ночь, бесцельно уставившись взглядом в пол комнаты, имеющий депрессивный бледно-коричневый цвет, не зная, сколько часов она уже лежит вот так, с тоскливой злобой ожидая своей участи. Вероятно, иногда у нее все-таки получалось задремать, но тут же ей начинало казаться, словно кто-то подходит к ее постели и что-то делает с нею, цинично и хладнокровно заглядывая ей в лицо, и она тут же открывала глаза снова, встряхивая головой, пытаясь отогнать от себя образ поблескивающего в полумраке шприца, и снова видела перед собой лишь потертый противно-бежевый линолеум, покрывавший собой весь пол ее камеры, этой паршивой комнаты, ставшей, вероятно, ее камерой пыток и ее последним убежищем. Неужели последнее, что она увидит перед своей смертью, будет этот старый обшарпанный линолеум? Уроды, у них наверняка много денег, а они скупятся даже на то, чтобы проложить в своей лаборатории новый пол.

За окном уже засерели первые проблески рассвета, ночная темнота постепенно уступала место предрассветным сумеркам, и первые жалкие струи светящего воздуха уже просачивались через оконную раму, и, крадись и затаиваясь, ползли в комнату, наполняя ее своей светящей серостью, позволяя распознавать усталым глазом очертания находящихся здесь предметов, казавшихся в ночной темноте совсем черными и оттого не вполне ясными, не достаточно понимаемыми.

Скоро рассвело окончательно, и кровати с лежащими на них людьми стали совсем различимы. Их насчитывалось все-таки двенадцать – включая и ее кровать. Силуэт в дверном проеме действительно оказался женщиной лет тридцать пять или около того. Она сидела на стуле, стоящем на выходе из комнаты, опираясь головой на руку, локоть которой покоился на ее коленке. Светлые волосы ее были заколоты на затылке, а глаза закрыты. По некрасивому лицу ее было видно, что женщина спит. Главное, она была одета в белый медицинский халат – медицинский! Она была одной из них. Одна из шайки этих жалких врачей, уже, верно, забывших о том, как давали в институтах клятву Гиппократу, если, конечно, они действительно имели медицинское образование, а не являлись просто исследователями-любителями, решившими познать особенности медицинских знаний путем экспериментов над живыми людьми, наплевав на жизни своих подопытных, не кажущиеся им ценными. Разве медицина развивалась не для того, чтобы спасти человеческие жизни? Разве допускает она, чтобы в процессе своего развития жизни пропадали ни за что, чтобы людей калечили? Нет, медицина такого просто и предположить не могла, и было очевидно, что эта компания в белых халатах не более чем просто шайка гнусных дилетантов, бездушных и бессердечных. Сволочи. Самозванцы.

Она снова стиснула зубы, глядя на женщину в дверном проеме. Надзирательница. Цербер.

Но как же ей быть?

Но тут наконец-то в комнате началось какое-то шевеление, оборвавшее течение ее мыслей и заставившее ее сердце испуганно екнуть. Люди просыпались. Что теперь будет?

Когда зашевелилась только одна из находящихся здесь человеческих фигур, проснувшаяся первой, отчего кровать под нею вздохнула и тоскливо заскрипела, Надзирательница у двери

вздрагнула и тут же вскинула голову, устремив взгляд в комнату. Понятно, даже если бы она и не была привязана к постели и попыталась бежать ночью, то у нее не получилось бы даже встать с постели, оставшись при этом незамеченной. Надзирательница, верно, была приучена к тому, чтобы реагировать на каждый звук, так что шансов на то, что она осталась бы неразбуженной, все равно не было.

Большинство людей, находящихся в комнате, начали некоторое движение – кто-то проснулся и медленно садился на постели, свешивая с нее свои тугоподвижные ноги, кто-то продолжал лежать, не переставая ворочаться и скрипеть пружинами старой кровати, а кто-то так и оставался неподвижным, отчего было непонятно, то ли человек до сих пор еще спит, то ли эта чудовищная вакцина уже сделала свое грязное дело, и человек был уже мертв. Некоторые из людей, а именно четыре фигуры, медленно встали со своих постелей, застелили их за собой покрывалами и неспеша направились прочь из комнаты тупыми, механическими движениями, вздрагивая и шаркая ногами. Неужели скоро и она станет такой же, как они, неужели она тоже превратится в человекоподобного зомби? Наверное, такое состояние в данном случае предшествует смерти – как иначе. Но вопрос о том, что было бы лучше – погрузиться в такое состояние, превратившись в покорное бездумное существо, или умереть сразу, пропустив эту ужасную стадию, оставался открытым.

Наверное, у них было принято просыпаться каждое утро в одно и то же время. Впрочем, этому не стоило удивляться, поскольку то, что эти люди были приучены жить по указанной им системе, ибо сами уже не могли думать вследствие насильственного повреждения головного мозга, было очевидно. Их мозг был уже настолько зазомбирован, что вбить в него любую схему, очевидно, не составляло никакого труда. Мысль о том, что кто-то из этих людей мог бы ей чем-нибудь помочь, хотя бы из чувства солидарности, была тут же отмечена. Они явно были ни на что не способны. Как бы между прочим, она обратила внимание, что привязана к кровати была только она одна. Наверное, потому, что она тут новенькая. Судя по всему, ее отвяжут только тогда, когда она тоже уже превратится в зомби и не будет иметь никаких мыслей о побеге, став тупой, беспомощной и абсолютно ведомой. Значит, выхода не было никакого.

Может, было бы правильнее в таком случае совершить самоубийство? Если бы она смогла освободить хотя бы одну руку и получить доступ хотя бы к небольшой части веревки, которой была привязана, то можно было бы удавиться. Может, стоило бы попробовать? Все равно ей было нечего терять, и смерть в данном случае была бы избавлением. Но в душе ее оставались сомнения – вдруг все-таки произойдет чудо, и найдется другой выход? Подумав, она решила оставить этот вариант на крайний случай.

Она перевела взгляд на окно и подняла глаза к серому небу, в котором, верно, был где-то Бог. Неужели Он не спасет ее, неужели ничего не сделает, ничего такого, что стало бы ее защитой и успокоением в ее безвыходной ситуации? Она представила, как Бог, глядя на нее с неба, плачет, жалея ее, оплакивая высшее свое творение – человека, оказавшегося неудачным, бессмысленным, ибо изначально он не закладывал в сердца людей столько жестокости, и, вероятно, даже подумать не мог, что так может случиться. Она представила, как Бог плачет на небе, и тут же у нее самой по щеке скатилась горькая слеза – всего одна, как и в прошлый раз. Просто соскользнула с ее тонких ресниц, скатилась по щеке и тут же высохла – исчезла, согревшись теплом ее, еще живой, кожи.

Неужели бывают такие ситуации на свете, когда сам Бог оказывается бессильным? Что может тогда быть хорошего в этом мире, если Богу он уже не подвластен, и если течение этой жизни уже отдается всей грязи человеческой жестокости, обуславливается ею? И что в таком случае может сделать она, как помочь себе, если даже Бог ничего сделать не в силах? Если Он не может освободить ее, так Он мог бы хотя бы сделать так, чтобы она умерла. Это было бы грязно, да, грязно и пошло, если бы она умерла тут, привязанной к этой кровати, такая молодая,

ведь ей всего лишь еще двадцать четыре года. Но это было бы лучше, чем подвергнуться тому, что они собираются сделать с нею.

– Пошли мне смерть, – прошептала она, едва шевеля пересохшими губами, устремляя взгляд в хмурое небо.

Она подождала немного, но ничего не случилось. Смерть не наступала, и даже чувствовать себя она ничуть не стала хуже, а серое небо было все так же безмолвно.

Она вздохнула и отвела взгляд от окна. Ей все так же сильно хотелось пить. Может быть, она умрет от жажды?

Она вздрогнула, когда к ней подошла Надзирательница и положила ей руку на плечо. Рука была холодная, и больше всего на свете ей хотелось ее скинуть, страх засветился в ее широко распахнутых глазах, устремленных на Надзирательницу, но она взяла себя в руки и промолчала, несмотря на бившую ее дрожь. Они не должны видеть ее страха. Они не должны торжествовать, чувствуя ее поражение.

– Проснулась, птичка? – осведомилась Надзирательница, щупая ее руку.

Она молчала, глядя ей в глаза. У Надзирательницы были бледно-голубые глаза – мутные, водянистые. Все правильно, разве могут у кого-то из этих бессердечных циников быть глаза красивого цвета?

– Как самочувствие?

«Еще жива, да», – мрачно подумала она. Интересно, должна ли она еще действительно быть живой, или их эксперимент сбил с верного пути, и ее живучесть нарушила их планы? Наверняка она хочет поиздеваться над ней. Как самочувствие – да, впору задать этот вопрос человеку, зная о том, что он скоро умрет.

Еще жива. Она стиснула зубы. Выживет. Иначе и быть не может. Не дождетесь. Она не даст им посмеяться над нею, не даст им восторжествовать. Даже если она все-таки умрет, она не позволит им наслаждаться зрелищем ее ужаса, и не будет унижаться перед ними, моля их о пощаде.

Надзирательница, казалось, и не ждала ответа на свой вопрос. Она издевается, это точно.

Молча, поглядывая изредка на лицо своей пленницы, она стала уверенно отвязывать от кровати ее онемевшие конечности. С горем пополам распутав накрученные веревкой узлы, она снова посмотрела на свою подопытную.

– Ну так что, успокоилась? Как ты?

Она молчала, глядя в водянистые глаза. Она оставалась все так же неподвижна, несмотря на то, что веревки уже не сковывали ее, боясь совершить резкое, ненужное движение, боясь, что если дернется, то выдаст тем самым свой страх. Кто знает, может, Надзирательница только и ждет того, как она дернется, может, стоит ей сделать одно лишь только движение, как она тут же привяжет ее обратно.

– Ну, не хочешь отвечать – как хочешь, – согласилась Надзирательница, – По крайней мере, успокоилась, вроде. Как ночь прошла, спала хоть?

Она по-прежнему молчала, с пренебрежением глядя в лицо своей мучительницы.

– Ладно. Я сейчас вернусь, – предупредила та, – Ты бы хоть руки поразминала. Затекли небось.

С этими словами она вышла из комнаты, обернувшись на нее пару раз через плечо, словно проверяя, что она станет делать, стоит ли ее оставлять предоставленную самой себе, но она все так же лежала не шелохнувшись, глядя вслед женщине в белом халате. Тело действительно затекло, и хотелось размять конечности, которые оказались, наконец, освобожденными, и тут же заныли, словно чувствуя эту свою свободу, требуя движения, которого они были лишены столько времени. Но она по-прежнему лежала не шевелясь, ожидая возвращения Надзирательницы, которая могла появиться в любую секунду и тотчас же обнаружить ее движение. Нет, пускай она думает, что ей безразлично происходящее, так будет больше шан-

сов на то, чтобы оставаться в безопасности как можно дольше. Сделай она сейчас хоть одну ошибку, и ее тут же привяжут опять.

Не прошло и пяти минут, как Надзирательница вернулась, катя за собой капельницу. Дотащив ее до ее постели, она остановилась.

– Давай руку, – сказала она, – Сейчас полечимся немножко.

Она молчала, лихорадочно соображая, что делать. «Полечимся» – сейчас они снова вольют ей в кровь эту хрень. Она не должна им этого позволить, нет! Но как избежать этого?

– Ну, я долго буду ждать? – спросила Надзирательница, готовя иглу.

Она немного постояла, выжидательно глядя на нее, и, в конце концов, вздохнув, махнула свободной рукой:

– Ладно, лежи, я все сама сделаю.

Она взяла ее руку и отогнула, обнажив вену, отчего по руке ее побежали мурашки, кожу защипало и закололо, застывшая кровь, разливаясь по онемевшей конечности, снова начала циркулировать. Она все так же лихорадочно пыталась сообразить, как ей выпутаться из этого положения, но выбор был очевидным: надо бороться. Всякие уговоры тут были явно бесполезными, просить Надзирательницу не делать этого означало показать свою слабость. Увидев, как острие иглы приближается к ее вене, ее охватила паника, и в то же мгновение она резко вскочила с постели, оттолкнув Надзирательницу, ударив ее по лицу так сильно, что та упала, ударившись боком о край кровати, и метнулась прочь, опрокинув капельницу на пол, отчего что-то вдребезги разбилось и загремело. Не зная, что ей делать, она просто отчаянно побежала прочь из комнаты. Даже если ей не удастся спастись, по крайней мере, она узнает хотя бы часть планировки этого здания. Если она выживет, и у нее еще появится когда-нибудь возможность бежать, это может ей здорово пригодиться. В несколько прыжков она добралась до выхода из комнаты и рванулась прочь, по дороге оттолкнув еще нескольких людей, отчего те вскрикивали и испуганно вжимались в стены. Кто-то за ее спиной истерически заплакал.

За дверью оказался длинный коридор, набитый людьми – некоторые были в белых больничных халатах – таких же, как у Надзирательницы, а кто-то был в обычных халатах, домашних – это, наверное, тоже были подопытные, как и она сама, как и люди из ее комнаты. А, судя по тому, что коридор был длинным, и дверных проемов тоже виднелось порядочно, комнат тут было немало. Сволочи, много же они набрали себе рабочего материала. Много же людей они собираются покалечить. Она бежала прочь по коридору, зазомбированные шарахались от нее прочь, испуганно дрожа и освобождая дорогу – конечно, что они могли сделать, ведь они, по сути, уже не были людьми в полном смысле этого слова. Людей же в белых халатов становилось все больше, они стекались откуда-то, собираясь в одну кучу, пытаясь уцепиться за нее, схватить.

– Держите ее! Держите!

Добежав до конца коридора, задыхаясь от собственного сердцебиения, она уткнулась в большую железную дверь, но она была заперта, и открыть ее без ключа было невозможно.

– Отпустите меня, отпустите, сволочи! – закричала она, колотя руками в железную дверь, с грохотом разбивая о нее руки. Слезы катились по ее щекам, застилая глаза.

– Лера, – крикнул кто-то, – Лера, успокойся.

Она стояла около железной двери и плакала, прижимаясь лицом к холодному железу. Судя по всему, другого выхода отсюда не было. Боковые комнаты, вероятно, представляли собой то же, что и комната, где до этого лежала она.

А вдруг нет? Вдруг другой выход все-таки где-то был?

– Лера, – кто-то положил руку ей на плечо, отчего она вздрогнула и резко развернулась, наотмашь ударив того, кто это сделал, и, со взявшейся откуда-то нечеловеческой силой, растолкала всех этих липовых врачей, окружавших ее, наивно пытающихся ее успокоить. Она снова бросилась бежать по коридору и принялась забегать во все попавшиеся комнаты, пыта-

ясь найти выход, но его нигде не было видно. Комнаты действительно представляли собой то же самое, что и та комната, где находилась поначалу она сама, с теми же самыми кроватями, с такими же безжизненными, зазомбированными людьми, с такими же решетками на окнах. Неужели она в западне?

Забегая во все комнаты подряд, она отчаянно пронеслась среди кроватей, тыкаясь руками в стены, долбя ладонями по решеткам окон и отталкивая всех, кто попадался на ее пути. Но все эти действия были бессмысленными – другого выхода все равно не было, и ничего, кроме паники, ее действия не вызывали. По крайней мере, она попытается не дать себя схватить. Конечно, рано или поздно она все равно устанет и тогда определенно попадется, ведь она была одна, против них всех – но пока она чувствовала в себе такую силу, такое дикое возбуждение, порождающееся всецело охватившем ее отчаянным страхом, что она готова была бороться, она готова была драться и кусаться, она готова была биться до конца. Нет, им не удастся вколоть ей в вену эту свою гадость. Живой она не дастся.

– Лера, прекрати. Лера, остановись! Держите ее, ну неужели до сих пор никто не может ее поймать?

Слова звенели в ее голове, сливаясь в единый шум, кровь в висках стучала так, что казалось, будто сосуды сейчас не выдержат, лопнут, и ей начало казаться даже, что глаза начали выкатываться потихоньку из ее глазниц, а лопающиеся сосуды где-то внутри головы начали производить кровоизлияние в мозг. В усталый мозг, еще живой, еще нетронутый мозг. Значит, она все-таки умрет. Кто-то схватил ее сзади, заломив ей руку, но в ту же секунду она дернулась так, что в левой руке ее что-то хрустнуло и заболело. Высвободившись, она вскочила на подоконник и принялась изо всех сил долбать по оконной раме, пытаясь дотянуться пальцами до находящегося за ней стекла.

– Не трогайте, не трогайте меня, сволочи! Я не дамся, я покончу с собой, я спрыгну отсюда, слышите??

Она плакала и кричала, и била рукой по окну, надеясь хотя бы на то, что, может, отвалится рама, и тогда ей удастся добраться до стекла – но ничего не получалось.

– Лера, Лера, не надо прыгать! Лера, успокойся, слезай оттуда, слышишь?

Обернув к своим врагам заплаканное лицо, она замерла, дрожа всем телом и задыхаясь. Их столпилось недалеко от нее уже много, и она закричала отчаянно, рыдая и захлебываясь своими слезами.

– Я выпрыгну! Я все равно выпрыгну! Вам все равно не удастся меня порвать на органы на своих опытах! Не подходите ко мне, уйдите все отсюда, я не дамся, не дамся!

Вперед всех вышла одна из женщин в белых халатах. Казалось, она была спокойна.

– Лера, прекрати сейчас же и слезай оттуда, – строго сказала она, – Лера, что ты себе позволяешь? Немедленно слезь.

Лера внимательно посмотрела в лицо женщине и, всхлипывая, осторожно шагнула на пол одной ногой.

– Вот так. Молодец. Тебе помочь?

Она спустила вторую ногу и остановилась, глядя на своих обидчиков. Казалось, они вздохнули с облегчением.

– Вот так, Лерочка. Давай вернемся в палату.

В палату! Они смеют называть эту камеру палатой!

Подпрыгнув к ближайшей кровати, она схватила книгу, лежащую на тумбочке, и тут же отчаянно швырнула ее в эту садистскую шайку, попав кому-то в живот. Судорожно выдергивая из тумбочки ящики, она выхватывала оттуда все, что там лежало и отправляла найденные предметы вслед за книгой. Если она не может от них высвободиться, то она их хотя бы покалечит. Жаль только, что в тумбочке не нашлось ничего подходящего, что могло хоть как-то сойти за оружие, там валялись только стопки жалких журналов. Но ничего, в ней самой есть

еще достаточно сил, чтобы драться. Пусть у нее нет оружия, но зато еще целы руки, ноги и зубы. Пусть только попробуют подойти к ней опять. Хотя, если взять ручку, то ей можно выколоть кому-нибудь глаз...

– Лера, остановись!

Ручку у нее отобрали, и тут же ее скрутили так сильно, что на мгновение дыхание ее сперло, а сама она, казалось, стала совсем обездвижена. Но тут же ярость захлестнула ее новой волной, и она со всей силы укусила одного из тех, кто ее держал, что позволило ей выиграть долю секунды, которой оказалось вполне достаточным для того, чтобы освободить одну руку. Ударив кого-то из своих обидчиков, она снова дернулась, оттолкнув другого и оцарапав ему лицо обломками ногтей. Высвободившись на мгновение, она рванулась прочь, но убежать ей все-таки не дали. Когда ее схватили вновь, она упала на пол, что не помешало ей, однако, ползти прочь, отбиваясь от своих убийц ногами. Когда ей снова заломили одну из рук, она схватила край простыни, свисавший с одной из постели, свободной рукой, и тут же рванула его на себя, пытаясь обмотать им свою шею. Но удавиться ей тоже не позволили – тут же она почувствовала острую боль в области заломленной руки – такую, как будто в нее воткнули шприц, и тут же рука ее, сжимавшая край простыни, стала слабее, и она сама не заметила, как отпустила свою шею, а затем и вовсе уронила лицо на пол. Она лежала на полу, не в силах пошевелиться, а перед самыми глазами ее был все тот же противно-бежевый старый линолеум.

«Все, больше некуда бежать, и нет сил бороться», – подумала Лера, с отвращением и в то же время с каким-то странным безразличием разглядывая этот бежевый пол у нее перед глазами, – «Я попалась. Торжествуйте, друзья мои, это конец.»

Мысли ее, рассыпавшись, ухнули куда-то вглубь ее души, потонув и затерявшись, перестав снова быть ощущаемыми, как было до этого, когда она лежала в постели – и тут же в глазах ее потемнело, и она потеряла сознание.

«Конец», – успела она прошептать одними губами напоследок.

Глава 4. На сцену выходит доктор Громов

– Лера, проснись.

Мысли медленно ворочались в голове. Сознание, кажется, потихоньку возвращалось, но соображать было по-прежнему трудно.

– Лера, ты слышишь меня?

Она наморщила лоб. Открыть глаза по-прежнему не получалось. Чей это был голос? Чего они опять хотят от нее?

– Лера.

Голос мужской. Тихий, вкрадчивый. Мужчина говорил полупшепотом. Но зачем он говорил тихо, если хотел разбудить ее? Зачем ему было таиться, если он один из них?

– Лера, открой глаза, я сказал! И слушай меня.

Так, в голосе появились властные нотки. Голос стал настойчивее, в нем появилась жесткость. Она сама не знала, почему, но не повиноваться ему было невозможно.

Лера послушно открыла глаза и посмотрела на своего собеседника. Это был действительно мужчина, молодой мужчина, лет, возможно, двадцати шести. Он был тоже одет в медицинский халат, как и все эти гнусные доктора, но лицо его, худое, с большими выразительными карими глазами, со свисающей на лоб прядью темных, почти черных волос, склонившееся к ней совсем близко, почему-то вызывало у нее некое подобие доверия или по крайней мере симпатии.

– Наконец-то проснулась, – голос его снова стал тихим, – Здравствуй.

Она молчала, глядя в лицо доктору и не понимая, что происходит и что ей делать дальше.

– Не отвечать, на мой взгляд, невежливо, особенно с учетом того, что я, говоря между нами, твой друг.

– Друг? – губы ее, покрытые засохшей коркой, шевелились с трудом, говорить ей было сложно, но она не могла скрыть своего удивления, услышав то, что кто-то здесь, оказывается, имеет наглость называть себя ее другом.

– Говори тихо, – сделал он ей замечание, – Нас могут услышать. А это нам совсем не на руку, и принести вред может в первую очередь только тебе.

Она молчала.

– Я не понимаю, – ответила она после некоторой паузы.

– Я объясню, – он присел на край ее кровати около ее ног, и тут, взглянув на место, на которое он сел, Лера отметила с удивлением, что она не привязана к постели, и капельницы возле нее не стоят. Она не знала, как они могли оставить ее в таком здравомыслящем состоянии, сохранив ей полную свободу движения, после всего, что она натворила. Память ее не была доскональной, но все же в общих чертах она имела представление о том, что случилось накануне, и вполне могла представить, какую ярость она, должно быть, вызвала у докторов своей выходкой, а потому она не могла понять, как они могли так просто оставить ее после всего этого. Или все самое страшное еще впереди? Правда, она не могла даже приблизительно сказать, когда это все произошло – вчера ли или двадцать минут назад, да голова немного кружилась, вызывая противное чувство тошноты. И по-прежнему хотелось пить.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – произнес доктор, проследив за Лериным взглядом и, вероятно, прочитав ее мысли в ее глазах, – Спешу тебя заверить, что на данный момент ты находишься в относительной безопасности, и мы вполне можем с тобой спокойно поговорить.

– Почему я должна тебе верить? – устало спросила Лера.

– Вот это хороший вопрос, – откликнулся доктор, – Наверное, хотя бы потому, что больше тебе ничего не остается. Бежать отсюда самостоятельно у тебя все равно нет никакой возможности, доверять тебе больше абсолютно некому – во всяком случае, без моей помощи

ты не сможешь узнать, кто здесь есть кто – ты ведь, конечно, не пойдешь расспрашивать кого-нибудь об этом? – она покачала головой, – Делать тебе больше абсолютно нечего, это я тебя могу точно заверить. Так что тебе просто ничего не остается кроме того, как довериться мне, в противном случае у тебя просто не будет другой возможности на надежду. Так что придется тебе, Лера, послушать меня. Конечно, ты можешь отказаться от моей помощи, дело твое. В конце концов, это тебе надо бежать отсюда. Лично у меня все в порядке, и я захотел тебе помочь лишь потому, что ты показалась мне симпатична как человек. Конечно, у меня есть и личные интересы, но справиться с ними, поверь мне, я прекрасно смогу и без тебя. Так что решать тебе, Лерочка.

Было видно, что молодой доктор очень уверен в себе, и ему доставляет удовольствие продемонстрировать ей свою самоуверенность.

– Я вас слушаю, – хрипло ответила Лера.

– Вот и прекрасно! – воскликнул он с воодушевлением громким шепотом и слегка похлопал ее по коленке через одеяло.

Оглядевшись по сторонам, он покосился сначала на других заключенных, но они все занимались своими делами – кто-то спал, кто-то лежал, бесцельно глядя в потолок, кто-то пытался тихонько переговариваться, но никому из них определенно не было ровно никакого дела ни до нее, ни до таинственного доктора, озиравшегося по сторонам – и, не заметив в них ничего подозрительного, перевел взгляд на женщину, сидевшую на месте Надзирательницы – на сей раз это была другая, помоложе, рыженькая, абсолютно безжизненная. Надзирательницы по каким-то причинам на сей раз здесь не было, и ее место занимала, вероятно, ее помощница. Молодой доктор смотрел на нее некоторое время – угрюмо, исподлобья, но она так и не проявила к ним интереса – она сидела на стуле Надзирательницы и читала книгу.

– Меня зовут доктор Громов, – сказал вдруг молодой врач, неожиданно обернувшись к Лере и склонив к ней голову, голос его стал каким-то заговорщеским, своим, – Громов Всеволод Аркадьевич, если быть точным. Но можно просто доктор Громов.

– Я вас не видела раньше, – все с той же хрипотцой в голосе ответила Лера.

Он хохотнул:

– Ой, милая моя, ты много чего еще здесь не видела. Или, может, ты хочешь сказать, что знаешь уже всех местных врачей?

– Нет... – она замялась, – Ннет, конечно... Просто я до этого вас не видела... Я много кого видела, когда... Когда бегала по коридору – вы, вероятно, уже знаете о моей выходке? – она грустно усмехнулась, – Мне показалось, что я тогда много кого видела. Но вас, по-моему, не было. Мне кажется, я бы вас запомнила.

Доктор Громов рассмеялся, подскочил на месте, весело всплеснул руками и снова сел на прежнее место. Лера покосилась на Помощницу Надзирательницы, но она не по-прежнему читала книгу, не обратив никакого внимания на доктора Громова. А ведь он сам говорил ей, Лере, что нужно вести себя как можно тише. Сам он не очень-то старался соблюдать спокойствие – или, быть может, он просто не обращал внимание на создаваемый им самим шум, будучи человеком определенно эмоциональным. Наверное, он попросту не замечал за собой подобных вещей, его собственное поведение казалось ему вполне допустимым. Впрочем, ладно. Ему, в любом случае, было виднее, как стоило себя вести. Уж он-то наверняка понимал допустимые пределы выражения своих эмоций. Кроме того, он был прав – ей все равно придется во всем с ним соглашаться и верить каждому его самоуверенному слову, привыкая к его несдержанным движениям. Другого выхода у нее действительно не было.

Он прервал ее бессмысленно текущие размышления веселым, каким-то почти беспечным возгласом, бодро потрепав ее по коленке (похоже, ему нравилось это занятие – трепать ее по коленке, он, по всей видимости, находил забавным подобный способ выражения своих эмоций):

– Да, подруга, признаться, натворила ты делов – это правда! То, что ты здесь у нас устроила, было поистине интересно. Такого тут давненько не было. Я думаю, твоей выходки тут еще долго никто не забудет!

– Это было ужасно, да? – спросила Лера, осторожно косясь на доктора Громова. Она уже поняла, что нельзя было ожидать наверняка, что он скажет или сделает в следующую минуту.

– Это было блестяще! – хихикнул он, – Тут, конечно, бывало всякое, но все же я, признаться, не помню, чтобы кому-нибудь удавалось устроить здесь подобный погром. Надо же, всех врачей на уши поставила, всех подопытных перепугала!

Лера неуверенно опустила глаза:

– Извините.

– Да ладно! – он махнул рукой, – Вот смеху было! Столько было шуму! Столько всего поломала, столько покалечила! Верно, добрая половина наших врачей теперь после тебя в синяках ходит.

– Значит, вы тоже были там? Вы все видели?

– Конечно, видел. Как же иначе? Не переживай – сказать по правде, своим поступком ты внесла некоторое оживление в наши серые будни. Хотя, – он вдруг сдвинул брови и погрозил ей пальцем, – все-таки не стоило привлекать к себе столько внимания. Это нам не на руку. А ты произвела на всех такое неизгладимое впечатление, что они, наверное, будут теперь долго приглядываться к тебе повнимательней... Пока не заживут их синяки!

– Простите, – она смотрела на доктора Громова виновато. Ей правда почему-то было неловко перед ним за свою выходку, хотя виноватой перед остальными она себе нисколько не чувствовала – с какой стати, ведь она находилась у них в плену, и ей хотелось вырваться отсюда любой ценой. И сейчас хочется. Но теперь, когда рядом с ней находился доктор Громов, ей почему-то было спокойнее. Наверное, она все-таки правда прониклась доверием к этому странному, непредсказуемому человеку, – Я просто сильно испугалась. И еще меня охватил сильный гнев. Я должна вырваться отсюда!

Он смотрел на нее с минуту все так же строго, но потом снова рассмеялся:

– Ты знаешь, я не могу на тебя долго сердиться. Такой цирк устроить! Впрочем, ладно, не будем терять времени на пустую болтовню. Время у нас, конечно, еще есть, но все же его не вагон. Давай поговорим серьезно. И договоримся сразу: если ты хочешь, чтобы я вытащил тебя отсюда, ты не будешь впредь устраивать таких шумных безобразий, каким бы это ни было забавным. И вообще – ты во всем будешь слушаться меня и категорически не предпринимать никаких действий без моего ведома. Только то, что я тебе скажу! Договорились?

– Договорись, – вздохнула Лера, – Я обещаю.

– Вот и умница, – он хлопнул в ладоши, – Что ж, тогда давай, наконец, я тебе все объясню.

– Я вас слушаю.

– Это правильно. Как ты, наверное, уже успела заметить, – начал свой рассказ доктор Громов, – ты находишься в потайной лаборатории, где ставят эксперименты на людях – да-да, дорогая, это действительно так. Я знаю, ты подозревала это, но все же в тебе еще оставалась надежда, что все это все же является плодом твоей фантазии. Что ж, в таком случае мне придется тебя разочаровать, милочка, поскольку твое разыгравшееся на нервной почве воображение тут ни при чем, и ты все поняла правильно. Это действительно подпольная лаборатория, и все эти люди, которые окружают тебя – это действительно похищенные несчастные, которых ждет в равной степени печальная участь – впрочем, как и тебя. Наука, милая моя, не стоит на месте, и иногда приходится использовать не совсем легальные, если не сказать – не в полной мере гуманные, методы.

Лера молчала. Она глядела на доктора Громова, в горле ее стоял комок, она слушала и отказывалась верить своим ушам – самые ее ужасные догадки действительно оказались правдой. Но, к некоторому своему удивлению, она обнаружила то, что слушает все это с каким-то

странным безразличием, словно то, о чем рассказывал сейчас доктор Громов, не имело к ней ровно никакого отношения, или же словно бы ей стала безразлична ее собственная судьба – что было на самом деле, конечно, не так. Наверное, она просто устала бояться.

– Лера! Ты меня слушаешь? Или, может, тебе не интересно то, что я рассказываю?

– Нет, нет, что вы. Я вас слушаю, – она сглотнула комочек, – Скажите, а в чем состоит суть эксперимента?

– Ой, ну как бы тебе объяснить попроще, – доктор Громов задумчиво оперся локтем о колено и задумчиво закатил глаза, поглаживая тонкими пальцами гладкий подбородок. Кажется, он наконец-то стал серьезным. Наверное, дело было в том, что его все-таки интересовало дело, которым они все тут занимались, – Дело в том, что мы хотим создать, так сказать, высший разум. Мозг человека работает не на все сто процентов, если тебе известно, и наша задача состоит в том, чтобы заставить мозг работать во всю свою мощь. Мозг человека совершенен, девочка, и если у нас получится наконец запустить этот совершенный механизм полностью, то возможностям человечества не будет предела! Да, тебе, верно, трудно это себе представить, ведь тебя интересует, вероятно, только сохранность твоей собственной жизни... Впрочем, ладно, ты сама попросила тебе объяснить. Ты ведь, наверное, слышала о таких способностях, проявляющихся изредка у некоторых людей – таких, как ясновидение, телепатия, телекинез, и прочее? Ты думаешь, на подобные вещи способны только избранные, особо одаренные люди? Ошибаешься, девочка, на все это способен любой из нас – просто человек не научился еще пользоваться в достаточной степени собственным мозгом. Большинство людей даже не догадывается о том, какими возможностями обладает. Они не ценят тот великий дар, который ниспослал им свыше, потому что просто не умеют им пользоваться, и даже не задумываются над этим вопросом. Впрочем, если они не думают об этом, то им и нечего терять, согласись? Их не жаль. Потому и не жалко большинства из этих подопытных кроликов, являющихся лишь жалкими людишками, находящимися здесь. Впрочем, я все-таки не совсем об этом. Итак, можешь ли ты представить, Лерочка, каким все же совершенным станет человек, чей мозг запустится наконец на все сто процентов, и все из перечисленных ранее мною возможностей откроются перед человеком разом, и не обрушатся на него тяжелой волной, неожиданное давление которой он не сможет вынести, а встанут перед ним открыто, без всяких тайн и преград? Да-да, если это произойдет, то человек наконец станет совершенным. По сути дела, человек уже и на данный момент является совершенным организмом, просто еще не подозревает об этом. Ведь мозг уже есть. Осталось только его открыть, покорить все его бессознательные уголки нашему сознанию – и дело в шляпе. Тогда мы станем способны познать мир целиком – весь, как он есть, для нас не останется в нем загадок, и все, что ни существует в нем, сможет поддаться нашему исследованию, на все это хватит наших сил и возможностей. Это сейчас нашему разуму не подвластны многие тайны, ныне существующие в мире, которые, по сути своей, и не являются тайнами на самом деле, поскольку все в этой вселенной на самом деле просто, просто мы, в силу своего, на данный момент, примитивного развития не способны понять, что есть к чему на самом деле, и мы вертим этот мир, как ребенок вертит погремушку, думая, что он знает, что с ней делать, а на самом деле не имея об этом никакого представления, как и понимания того, что на самом деле этот мир, эта интересная, на наш взгляд, погремушка, вертит нами.

Доктор Громов замолчал, задумчиво глядя в потолок – было видно, что его самого увлекла всей своей сущностью эта утопическая идея. Отдышавшись и обдумав что-то про себя, он продолжил:

– Стоит нам открыть для своего полного понимания наш мозг, как для нас тут же станет все просто и все понятно. Нас не будут более терзать никакие загадки, и нам тут же станет понятно, как дважды два, как устроена на самом деле наша Вселенная, и мы получим наконец ответы на вечные вопросы вроде тех, откуда взялся наш мир и где его пределы. Мы сможем

наконец покорить себе временные рамки – сейчас же мы занимаемся лишь жалким оплакиванием того, что время нам не подвластно... Чушь! Мы просто еще не умеем пользоваться тем, что предоставляет нам природа, и, несмотря на иллюзию того, что мы адаптированы к миру, в котором живем, на самом деле мы управляем миром не более чем блоха, гордо восседающая в шерсти собаки, управляет своей хозяйкой. Для блохи собака – целый мир, она думает, что является ее хозяйкой, но и не подозревает о том, что ее в любой момент могут стряхнуть резким движением лапы. А, упав с собаки наземь, она, может, наконец и сумеет понять существующую на самом деле истину, осознав то, что ее узкое представление о мире было ошибочным – если, конечно, останется жива – но она уже не будет находиться на этой собаке, а потому так и не сможет донести осознанную ею истину до своих собратьев, а потому каждая блоха так и будет продолжать думать, что она и есть хозяйка мира, и заблуждение этих жалких существ так и будет существовать далее – примитивное и непростительно ошибочное. Ты понимаешь, о чем я?

– Не совсем, – Леру несколько смутили рассуждения доктора Громова, все же она чувствовала себя еще не в полной мере хорошо, а потому смысл разглагольствований относительно блох давался ей с трудом, тем более что она имела весьма отдаленное представление о том, как жизнь блох, про которых говорил сейчас с таким упоением доктор Громов, касается ее освобождения из этой камеры. Впрочем, обижать его ей не хотелось, тем более что в силу его непредсказуемости она не могла представить, что он мог выкинуть в следующий момент, насколько глубоко окажется для него эта обида и чем она сможет для нее обернуться, а потому не решилась сбить его и перейти к главному, и постаралась поддержать беседу, – Ведь блоха может забраться на другую собаку и рассказать о своем открытии тем блохам, что живут на ней, и истина будет открыта. Собаки-то одинаковые.

– Одинаковые? – доктор Громов усмехнулся, – Знаешь ли ты о том, что в мире не существует полностью идентичных организмов, и каждая собака в нем – уникальна? Впрочем, я не буду цепляться к словам, я понимаю то, что ты хочешь сказать. Да, собака будет похожа на ту, с которой спрыгнула наша блоха. Но это все же будет другая собака. Другая! И это подорвет уверенность нашей героини и поставит под сомнение открывшуюся ей было истину... Понимаешь?

Она не успела ответить, как доктор Громов ответил сам:

– Не понимаешь, я знаю! Ладно, все же мы несколько уклонились от темы. Я понимаю, тебя сейчас удивляет то, какое блоха имеет отношение непосредственно к твоей жизни. Да, куда тебе понять то, что все в этом мире взаимосвязано... Хорошо, об этом мы поговорим с тобой когда-нибудь позже – если, конечно, увидимся.

Итак, на чем мы остановились? Если человеческий организм станет наконец совершенным, то мы сможем наконец познать все тайны бытия, и мы не будем предаваться жалким мечтаниям, находящимся по сути своей лишь на уровне примитивных догадок, есть ли жизнь на других планетах. Нам не надо будет об этом думать – мы сможем это просто проверить. Мы сможем все! Мы не будем так усердно черпать ресурсы нашей планеты, истощая ее, доводя ее до разрушения, как мы делаем это сейчас, потому что просто потеряем необходимость и в воде, и в пище, и во сне, поскольку мозг сам может восполнять свои ресурсы, не нуждаясь во вмешательствах извне, которые совсем не идут ему на пользу. Из всех наших базовых потребностей нам останется, пожалуй, только потребность в размножении – ну а как иначе? Все остальное нам станет ясно. А главное, ведь все необходимое у нас уже есть – ведь совершенный мозг уже дан нам в виде щедрого подарка природы, нам не надо изобретать ничего нового – нам нужно лишь его запустить. Заставить заработать то, что уже есть, согласись, проще, чем создать что-то новое, так что полпути, на самом деле, уже пройдено. Просто большинство не знает об этом. Собственно, те, кто об этом не задумывался, ныне находятся здесь – тупым животным место в лаборатории. Они существуют для того, чтобы помогать умным жить и становиться еще умнее.

Что ж, пусть люди в силу своей глупости не поймут всю ценность своего пребывания здесь, но от этого их значимость не уменьшится, они все равно откроют совершенство руками умнейших и, на самом деле, находящимся здесь стоит гордиться тем, что им представилась честь выступать в роли материала для великого открытия высших.

Лера слушала доктора Громова молча. Уже имея некоторое представление об его эмоциональности и склонности к импульсивным реакциям, она решила пропустить мимо ушей то, что ее только что назвали «тупым животным» и «материалом».

– Можешь ли ты представить всю важность происходящего здесь? – продолжал восклицать доктор Громов, – Хотя куда тебе понять, ты всего лишь глупая девчонка... Но ты мне нравишься – не знаю, право, почему – но правда нравишься, честное слово! Если б ты только могла представить себе ту миссию, которую несут здесь эти жалкие люди! Если бы ты только приблизительно могла себе вообразить! Жаль, что ты на это не способна. Ты – всего лишь глупое существо, да... Но ты все равно мне определенно нравишься, это факт.

Отлично, помимо «тупого животного» и «материала» к ней добавилось еще и название «глупого существа». Что лучше? Но она все равно ему нравится, да! Это, по всей видимости, должно ей льстить?

– Нет, если бы ты была хоть чуточку умнее, ты бы непременно поняла всю значимость происходящей здесь операции. Но ты, к сожалению, слишком глупа для этого.

Оскорбление за оскорблением. И этот человек говорил ей, что она ему симпатична? Наверное, такова была натура доктора Громова – бескрайнее высокомерие. Вероятно, эта была неотъемлемая его черта, без которой существование этого человека как личности было невозможно. Как ни странно, несмотря на это, его слова все-таки не обижали Леру, она уже успела понять то, что что бы он ни говорил, это не способно было уменьшить ее симпатию к нему. Наверное, доктор Громов умел грамотно располагать к себе людей. Или просто у нее не было другого выхода, ведь хоть кто-то в этом ужасном месте должен был вызывать в ней положительные чувства.

– Конечно, – продолжал доктор Громов между тем, – мозг человека развился бы рано или поздно сам по себе, но мы ведь не можем ждать тысячелетиями, пока пройдет процесс эволюции, правда? Мы потеряем тем самым массу времени, а это не имеет никакого смысла. Не говоря уж о том, что человечество может попросту уничтожить само себя в силу своей глупости, так и не дождавшись конечного этапа своей эволюции. Оно, кстати, уже близко к этому.

Лера наконец решилась робко высказать свое мнение на этот счет:

– Скажите, доктор Громов, а разве это будет интересно, если все в мире станет понятным, и не останется в нем никаких загадок? Человеку будет не к чему стремиться, и нечем будет жить. Не лучше ли, если останется в мире хоть пара загадок, изучению которых люди смогут посвящать свою жизнь? Пока что развитие человечества вроде бы идет своим чередом, а насильственное вторжение в строение человеческого организма противоречит законам природы...

– Вздор! – отрезал доктор Громов, повысив голос так, что Лера вздрогнула, но, к ее облегчению, в голосе его не было раздражения, это была скорее лишь снисходительная насмешка, – Фу, милая, – добавил он, поморщившись, – И откуда в столь юном существе столько мракобесия? Впрочем, это лишь доказывает то, насколько ты глупа. Но я не в праве сердиться на тебя за это. Не за этим я и пришел. Все, что я хочу – это спасти тебя. Просто ты сама просила меня объяснить тебе происходящее здесь, а я увлекся своей любимой темой – все-таки это дело всей моей жизни, это-то ты способна понять...

– Простите, доктор Громов, – ответила она, чуть покраснев, – Я не хотела вас обидеть. Вы очень интересно рассказываете, но все же здесь, наверно, не место обсуждать такие темы. Об этом можно разговаривать сколько угодно долго, а мне так хочется спастись, ведь, поймите

меня правильно, моя жизнь сейчас, в отличие от вашей, в опасности. Кстати, не могли бы вы сказать, почему все-таки вы решили спасти именно меня? Что отличает меня от других людей, находящихся здесь?

– Ничего, – тут же ответил он, – Ровно ничего. Но – еще раз говорю – ты мне понравилась. Или тебе стоит объяснить природу человеческих симпатий?

Она покачала головой.

– Вот и прекрасно. Кроме того что мне тебя жаль, смею заметить, что я все-таки сам не в полной мере согласен с методами, предложенными здесь, несмотря на свою увлеченность этим делом. Наша лаборатория занимается разработкой препаратов, способных основательно ускорить процесс эволюционирования человеческого мозга, но препаратов, удовлетворивших бы наши требования, еще не было создано, необходимые комбинации веществ еще недостаточно подобраны, а потому с практикой, на мой взгляд, мы поспешили. Вкалывая человеку препарат, мы каждый раз сомневаемся в том, что он будет иметь хоть какое-либо положительное действие, а не вызовет мгновенную смерть или, к примеру, атрофический процесс коры головного мозга, особенно с учетом того, что каждый человеческий организм сугубо индивидуален и имеет, между прочим, некоторые личные непереносимости... В общем, я хочу сказать то, что, пожалуй, наши теоретические познания еще недостаточно развернуты, чтобы заниматься столь активной практикой. Столько людей умирает... Это такие потери! Конечно, когда мы достигнем своей цели, то возникновение высшей расы людей компенсирует вымирание существующих ныне примитивов, но все равно, признаться, лично мне бывает жаль бедных глупых людишек... Как жаль сейчас тебя. Кроме того, честно говоря, я сомневаюсь в том, что из тебя выйдет что-нибудь путное. Ты еще молода, и я думаю, что будет лучше, если ты останешься жить, и проживешь свою жизнь как тебе захочется. Конечно, ты глупа, но, мне кажется, не безнадежна. Поэтому, в силу своей доброты, я дарю тебе жизнь, Лера. Но для того, чтобы у меня получилось тебя спасти, ты должна во всем слушаться меня.

– Я поняла, доктор Громов, – она наконец собралась с духом, чтобы задать вопрос, мучивший ее с самого начала, – Скажите, что мне вкололи? Я могу надеяться на то, что инъекции не оставят для меня никаких тяжелых последствий?

– Ну, за это можешь не беспокоиться! – он беспечно махнул рукой, как будто речь шла о чем-то совершенно незначительном.

– Да, но мне ведь все-таки что-то вкололи? Имеет же это какое-то действие? Что за препарат мне успели ввести?

– Не волнуйся, это всего лишь один из цереброадреностимуляторов, не более того, – откликнулся доктор Громов.

Лера не поняла значения этого длинного слова, но не стала уточнять его смысл у своего собеседника, опасаясь того, что доктор Громов опять уйдет в свои глубокие медико-философские размышления, еще раз подчеркнуто поставив под сомнение уровень ее умственных способностей. Судя по тому, как он об этом говорил, ничего серьезного ей еще введено не было, а потому она решила не задаваться этим вопросом и просто поверить на слово доктору Громову, ожидая его указаний, приведущих ее к – она ему верила – спасению.

– Я вас поняла, доктор Громов, – произнесла она вслух, – Я верю в свое спасение, я благодарна вам за предоставленную мне руку помощи и готова ждать от вас любых указаний.

– Вот и молодец, – похвалил ее, оживившись, молодой доктор, – Тогда – я обещаю тебе – ты выживешь. Будь уверена.

Глава 5. Доктор Громов вводит в курс дела

Прогуливаясь по комнате взад и вперед, Лера внимательным взглядом окидывала окружающих ее людей. Она ходила от стенки до стенки – между кроватями, иногда она осторожно выходила в коридор, окидывая быстрым взглядом находящихся поблизости людей, и тут же шныряла обратно в комнату, не желая привлечь к себе излишнее внимание. Она не хотела, чтобы кто-то видел ее повышенный интерес к находящимся здесь людям.

Рядом семенил доктор Громов, которого, по всей видимости, забавляло ее поведение. Порой он останавливался, ожидая, когда она пройдет привычную часть своей траектории и вернется обратно, насмешливо наблюдая за ней и тихонько посмеиваясь, что, впрочем, ее не обижало – она была слишком озабочена изучением общества, в котором оказалось.

При всей своей насмешливости доктор Громов не терял нити их беседы и продолжал разговаривать с ней вполне серьезно, терпеливо объясняя ей, что к чему.

– Вот, посмотри, – сказал он почти шепотом, косясь на женщину, лежащую на кровати под номером 3 (Лерина кровать имела номер 12), – Это Эльвира Борисовна – тебе, возможно, стоит обратить на нее некоторое внимание.

– Да, я знаю ее, – тихонько отвечала ему Лера, поглядывая на спящую женщину, – Я уже успела с ней познакомиться. Хотя она практически не разговаривает, и общаться с ней крайне сложно. По-моему, она очень плохо себя чувствует, все время проводит в постели и очень редко подает голос.

– Нет, нет, она не спит, в том-то все и дело! – заверил ее доктор Громов, – Она хочет казаться слабой и обессиленной, чтобы ее не трогали, но на самом деле она не спит, уж я-то знаю. Она полна сил и только ждет подходящего момента, чтобы улизнуть отсюда.

– Правда? – Лера повнимательнее присмотрелась к Эльвире Борисовне, которая на самом деле выглядела совсем слабой, казалось, что ей вообще было трудно шевелиться, не говоря уж о том, чтобы встать, – Вы уверены?

– Ну конечно. Она знает, как можно выбраться отсюда, и готовит план.

– Она знает, как выбраться? – Лера удивленно расширила глаза, – И как же? Здесь есть еще какой-то выход?

– Есть. Но где он находится и как к нему попасть, не знаю даже я.

– Как? Как такое может быть? Неужели в этом месте может быть что-то такое, чего можете не знать вы, но что при этом будет известно кому-нибудь из заключенных? Как такое возможно?

– В этом месте, девочка моя, я не начальник. Поэтому здесь есть секреты, которые недоступны даже мне. А Эльвира Борисовна, я знаю, каким-то образом разведала часть секретной информации. Пока еще я и сам не знаю, как ей удалось это сделать. Но она готовит план побега, это точно.

– Вы думаете, она посвятит меня в этот план? Но как я могу заполучить ее доверие?

– Никак! – он всплеснул руками, – Ни в коем случае не пытайся узнать у нее напрямую, как можно выбраться отсюда. Она очень агрессивна и самонадеянна, и ни в коем случае не допустит вмешательства в ее планы. Если она поймет, что ты знаешь про нее столь важную информацию, она, будь уверена, попытается от тебя избавиться любым путем. Будь умнее, действуй осторожно. Заговаривай с ней предельно аккуратно, попытайся выведать из нее информацию как бы невзначай, исподтишка. И следи за ней – может, тогда и получится заметить что-нибудь, что может тебе пригодиться. Только не забывай про осторожность, я прошу тебя, это очень важно! Она действительно на самом деле является очень своенравной и агрессивной женщиной, и в противном случае от нее можно ожидать любой жестокости.

– Хорошо, – Лера неуверенно продолжала рассматривать Эльвиру Борисовну, ей было трудно поверить, что эта на первый взгляд слабая и неповоротливая женщина может быть агрессивной.

– И не смей сомневаться в моих словах! – воскликнул доктор Громов, – Или, может, у тебя есть основания доверять кому-нибудь другому вместо меня? Если моя помощь тебе не требуется, я могу удалиться, тем же лучше для меня. Меньше мороки! Как будто мне, в конце концов, больше заняться нечем, кроме как спасать таких глупых девчонок, как ты.

– Нет, нет! – она отвернулась от Эльвиры Борисовны и умоляюще посмотрела на доктора Громова, – Простите меня. Я не хотела вас обидеть, доктор Громов! Я знаю, что вы мой единственный друг, и я доверяю только вам. Не сердитесь на меня. Просто ваши слова показались мне таким неожиданными. Я немного удивилась, вот и все.

– Ну хорошо, – доктор Громов, по своему обыкновению, уже успел позабыть свою обиду и уже снова пребывал в лучезарном настроении. – Смотри дальше, – он указал рукой на кровать номер 4, где восседала девушка, которая, несмотря на то, что тоже находилась в этом месте в качестве заключенной, похоже, нисколько не переживала по этому поводу, – Вот с этой дамой тебе тоже стоило бы быть поосторожней.

На этот раз Лера разумно решила промолчать, не выражая открыто своего удивления, дабы не обидеть опять доктора Громова, снова поставив под сомнение свое к нему доверие. Клавдия, а эту девушку звали именно так, это Лера уже успела узнать, действительно держала себя высокомерно и несколько грубовато, но ожидать от нее какого-нибудь опасного деяния Лере тоже не приходило в голову. Ее удивляло то, что, несмотря на свое положение, Клавдия выглядела веселой и в целом довольно жизнерадостной. Целыми днями она занималась тем, что ухаживала за своей внешностью, словно в данном заведении это имело хоть какое-то значение, или же слонялась по комнате, тормоша всех, на кого падал ее взгляд, поддевая всех своими словами – язык у нее был острый, и ее зачастую сердило то, что заключенные обращали на нее недостаточно, на ее взгляд, внимания. Но обращать на нее внимание действительно не имело смысла – находясь здесь, нужно было беспокоиться о своем благополучии, иначе выживание в стенах этого здания было бы невозможным, а Клавдию совершенно не волновали вопросы подобного рода. Она вела себя так, словно чувствовала себя в полной безопасности, разговоры ее были пустыми, беспечными, а потому общение с ней не имело, как казалось Лере, никакого смысла, она могла скорее только отвлечь от важных раздумий, но уж никак не помочь. Клавдия не оставляла без внимания даже работников этого заведения – всякий раз, когда к ним в комнату заходил кто-нибудь из так называемых врачей, она радостно вскакивала с кровати и подбегала к человеку, оживленная тем, что, возможно, при помощи вошедшего можно было как-нибудь развлечься – появление человека в белом халате все же вносило какое-то разнообразие, которое всегда настораживало Леру, но в Клавдии это, похоже, вызывало исключительно положительные эмоции.

– Как твои дела, а? – спрашивала она всякого, кто заглядывал по каким-то своим делам к ним в комнату, – Что мне расскажешь интересного? Расскажи!

– Клавдия, не мешай, – отвечала ей девушка, которая, как правило, разносила препараты (а делала она это с таким ангельским видом, словно действительно занималась чем-то хорошим, словно она правда лечила людей от каких-то тяжелых заболеваний, а не несла им смерть – что за люди, подумать только!).

Услышав это, Клавдия всякий раз возмущалась и продолжала ходить за ней следом по комнате, обиженно дергая за рукав:

– Как это, а? Ну расскажи что-нибудь, расскажи? Расскажи!

– Клавдия, иди в свою постель, – отвечали ей всякий раз, отчего она становилась еще обиженнее и, отстраняясь от своего несостоявшегося собеседника, хмурилась:

– Как в постель, почему в постель? – к слову говоря, речь ее шла почему-то очень быстро, и понять ее порой было крайне сложно, лишь по обрывочным словам можно было сделать предположение о том, что она говорит. Хотя понимать весь смысл сказанного Клавдией особо не требовалось, в большинстве случаев уже и без слов было понятно, чего ей хотелось, а хотелось ей почти всегда одного и того же – чтобы ее развлекали, – Ну и ладно! – обиженно фыркала она, закатывая глаза и надувая губы, – Ну и пожалуйста! Не хотите со мной разговаривать – и не надо, вам же хуже!

– И не сомневаюсь, Клавдия, и не сомневаюсь, – улыбалась разносчица препаратов, не поднимая на нее глаз.

Клавдия стояла посреди комнаты – так, чтобы все, находящиеся здесь, могли ее видеть, гордо скрестив руки на груди и поднимая глаза к потолку:

– Ну и не надо, вам же хуже! Вы даже не понимаете того, кто я такая и чего вы лишитесь, не общаясь со мной! Тупицы!

С этими словами она всегда возвращалась в свою постель и еще долго сидела там, обхватив руками колени и раскачиваясь из стороны в сторону, хмуро оглядывая всех присутствующих и что-то недовольно тараторя себе под нос. Так продолжалось до тех пор, как кто-нибудь другой не привлекал внимания Клавдии или она не находила себе другого занятия, кроме того, как ругать того, кто отказался с ней разговаривать – все равно на ее сердитое бормотание мало кто обращал внимания.

Пару раз она успевала подойти и к Лере, все с теми же предложениями – рассказать ей что-нибудь интересное или послушать о том, «кто она», но, находясь рядом с Клавдией, Лера всегда молчала, глядя на нее настороженно, и, по-видимому, по причине такой ее необщительности, Клавдия быстро теряла к ней интерес и, махнув рукой, отходила в сторону: «Тупицы!» – и шла к кому-нибудь другому, дабы поведать о том, «что она из себя представляет».

Сказать по правде, Лера считала, что над Клавдией уже успели неплохо поработать, а потому она попросту отупела, а потому не чувствовала ни страха, ни потребности что-то изменить. Она просто не могла вполне осознать все происходящее. Но доктор Громов заверил Леру в обратном: он сказал, что как раз она все прекрасно понимает, просто дело все было в том, что Клавдия, как оказалось, как раз была одной из тех, на кого опыты произвели положительное действие – она успела встать на первую ступень лестницы, ведущей к высшему разуму, а потому страшно возгордилась и постоянно пыталась найти возможность попрактиковать новоявленные способности и продемонстрировать их остальным, презирая их за то, что у них их нет.

– Но дело в том, что она еще не умеет ими пользоваться. Хотя их еще не так уж и много. По крайней мере, прогресса мы пока не видим, – объяснил доктор Громов, – Она только заметила, что у нее они есть, и порой у нее получается непроизвольно выкинуть что-нибудь... этакое. Честно говоря, мы не особо на нее надеемся, мы не уверены в том, что уровень ее интеллектуального развития позволит ей стимулировать новые функции, но это, в общем, не исключено. А потому будь готова к тому, что она может сделать что-нибудь необычное. Она горделива, и, если ты ей не понравишься, последствия могут быть совершенно непредсказуемыми.

Все еще боясь снова чем-нибудь не угодить доктору Громову, Лера снова промолчала, лишь мельком бросив взгляд на восседающую на кровати «следующую ступень эволюции», которая снова раскачивалась из стороны в сторону, и перевела взгляд на следующего персонажа, на которого указывал ее неугомный наставник.

– Смотри, смотри! – радостно воскликнул он, указав на девочку, сидящую в самом углу комнаты, на кровати № 8. Бодро подбежав к ней, он тыкнул пальцем левой руки прямо в нее, но девочка не обратила на него никакого внимания. Лера, несколько стесняясь, подошла к ней, окидывая ее робким взглядом, чувствуя некоторую неловкость за откровенную бестактность доктора Громова. Но девочке, которую звали Алина, казалось, было все безразлично – она

настолько была погружена в свои переживания, что словно бы не реагировала ни на что вокруг. Она была совсем маленькая – казалось, на вид ей было лет пятнадцать, не больше, отчего Леру охватывал холодный ужас, и она вся обмирала, пронзенная холодным ступком, материализовывающемся внутри: неужели эти сволочи, в чьем плену она очутилась, бессердечны настолько, что проводят свои ужасные опыты даже на детях? Сколько она ни видела Алину, та всегда сидела в своем углу, на кровати, вся сжавшись в такой жалобный и беззащитный комочек, отчего острое чувство сожаления и горечи захватывало Леру полностью, и она чувствовала, как к горлу ее откуда-то снизу подступает ком, готовый в любую минуту разразиться потоком отчаянных слез, исполненных горечи и отчаянной ненависти.

– Не вздумай распускать сопли! – строго сказал ей доктор Громов, словно предугадывая ее мысли, – Нельзя быть такой слабохарактерной. Или я в тебе все-таки ошибся?

– Нет, нет, что вы, – Лера поспешно сглотнула, с трудом протолкнув образовавшийся в горле липкий комочек обратно, вниз по пищеводу. Она поспешно опустила глаза, чтобы проницательный взгляд доктора Громова не успел уловить в них искорки страха. Все-таки она безумно боялась этого странного человека, и даже не сколько его самого, сколько она опасалась сделать какое-нибудь неверное движение, сказать даже безобидное слово, которое непредсказуемый доктор Громов может расценить на свой прихотливый лад, после чего все-таки окончательно разочаруется в ней и в самом деле раздумает ей помогать. Она была готова оказывать ему беспрекословное послушание, но с его неугомонным характером никогда нельзя было знать наверняка, что он выкинет в следующую минуту, рассердит она его или нет.

– Не нравлюсь – могла бы поискать себе другого помощника. Посмотрел бы с удовольствием, как бы ты его здесь нашла, – откликнулся доктор Громов, забормотав себе под нос – но на сей раз все же беззлобно, скорее даже обиженно, – Или – хочешь, подыхай здесь, как было уготовано тебе изначально – мне, в общем, все равно. Я всегда найду, чем заняться...

Что доктор Громов найдет, чем заняться, не вызывало у Леры никаких сомнений, с его характером иной вариант казался почти невозможным. Лера покосилась на своего сварливого спутника несколько удивленно – ей уже не в первый раз казалось, что он умеет читать ее мысли. Наверное, находясь здесь, в такой стрессовой ситуации, она стала слишком мнительной.

– Смотри! – по своему обыкновению уже забыв о своей недавней обиде, доктор Громов уже снова прыгал вокруг бедной Алины, восторженно тыча в нее пальцем, – Смотри – вот это – явно один из неудачных плодов эксперимента. В данном конкретном случае с этим экземпляром произошла неполадочка – эволюция дала обратный ход. Девочка окончательно отупела, она совсем ничего не соображает. Впрочем, – бросив на нее последний взгляд, ставший вдруг презрительным, доктор Громов надменно отвернулся, – Не стоит тратить столько времени на такую ерунду. Она все равно скоро умрет, так что от нее нет ровно никакого толку. Несколько забавный продукт научных отбросов, только и всего.

Лера мужественно сглотнула еще один ком, в котором липко сжались в один мерзкий ступок столь неприятные ей слова, как «экземпляр», «неудачный плод эксперимента», «ерунда» и «забавный продукт научных отбросов». Ей было неприятно, что доктор Громов так отзывается об Алине – Лере она казалась совсем несчастной. Она сидела сторбившись, не меняя позы, обхватив исхудавшими руками свои костлявые колени, на которые спадали клоки ее спутанных светлых волос, и взгляд ее светлых неподвижных глаз, в которых застыло выражение беспомощности и страдания, был устремлен в пустоту. Однако Лера уже привыкла к выпадам доктора Громова, невольно вспоминая, что еще совсем недавно она сама получила статус «глупого существа» и «материала», от чего она, кстати, сделала выводы, что ей, в общем, еще повезло. К тому же, она уже взяла за правило ни в чем не перечить доктору Громову, даже мысленно, поэтому покорно перевела взгляд на следующую кровать, к которой уже успел подскочить ее неумный друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.